

Н.М. Карамзин (1766–1826)

12 декабря 2009 года в День отечественной истории в Ульяновской области был объявлен победитель областного конкурса «Имя Симбирско-Ульяновского края». Победителем общенародного голосования стал Николай Михайлович Карамзин, за которого отдали свои голоса 30012 ульяновцев (около 19% всех голосовавших).

А конкуренция была не простая. Претендентами наравне с Карамзиным только из мира русской классической литературы являлись такие выдающиеся писатели и поэты, как И.А. Гончаров (замкнул тройку лидеров — 15599 голосов), С.Т. Аксаков, Д.В. Давыдов, Н.М. Языков. Не говоря уже о столь мощном конкуренте, как В.И. Ульянов-Ленин, казалось бы способным своей титанической фигурой заслонить любого претендента. Однако «вождь мирового пролетариата» занял лишь второе место, набрав 28910 голосов [1].

Почему же именно Н.М. Карамзин в исторической памяти своих потомков-земляков занял лидирующее положение? На наш взгляд здесь сказались два фактора. Первый из них — это несомненная любовь Николая Михайловича к своему родному краю. Явным свидетельством его любви к Симбирску, к волжской природе, к родным и друзьям детства и юности стали 140 писем Карамзина к старшему брату (1804–1826 гг.), а также к И.И. Дмитриеву и А.И. Тургеневу. В июне 1824 года перед отъездом импе-

«Вестник Европы» с волжских берегов

Мазин К.А.

*Река священнейшая
в мире
Кристалльных вод
царица, мать
Дерзну ли я на слабой лире
Тебя, о, Волга,
величать*

ратора Александра I в Поволжье он вручил ему свою «Краткую историческую записку» — некий ретроспективный «путеводитель», в котором говорилось о Симбирске, о «славном Белом Ключе», о «столетнем Елисее Кашинцове, звонившем в колокола, когда Симбирск праздновал Полтавскую победу и бывший гребцом на лодке Петра Великого, когда он плыл в Астрахань».

Карамзин первым из русских поэтов воспел Волгу (стихотворение «Волга» — 1793 г.), начав огромную антологию, продолженную последующими поколениями русских литераторов. Хрестоматийными стали строки Карамзина из письма к брату (от 6 июня 1808 г.): «Симбирские виды уступают в красоте немногим в Европе». А каким трагизмом пронизаны его слова к И.И. Дмитриеву в письме от 9 июля 1825 года: «Любезный Симбирск, Волга, Свяига! Мне уже, вероятно, не видеть вас...»

Уже ближайшие потомки великого земляка увековечили его память на родине: летом 1833 года по призыву братьев Языковых симбирское дворянство стало инициатором всероссийской подписки на памятник Карамзину, который был открыт в августе 1845 года, а в апреле 1848 года открыла двери Карамзинская общественная библиотека.

В современную эпоху по инициативе местных общественных и академических организаций в Ульяновске регулярно проходят

Карамзинские чтения (первые — в 1991 г.), при педуниверситете работает Карамзинская лаборатория [2]. Так что выбор нашего персонажа в качестве «Имени края» во многом обусловлен многовековой традицией почитания наследия Карамзина его земляками.

Второй фактор также неразрывно связан с Симбирским краем. Мистика места рождения и первоначального становления личности нашего замечательного исторического персонажа, безусловно, наложила непреходящий отпечаток на его дальнейшую судьбу. Величавость и размах волжской природы, местные предания и легенды придали таланту Карамзина масштабность и многогранность. Сам же он в подтверждение этого писал, что в своем творчестве не раз «слетал на берег Волги, Симбирский Венец...»

Для потомков Николай Михайлович прежде всего — историограф, создавший знаменитую «Историю государства Российского», которую читают и критикуют вот уже почти два столетия. Беспощадной критике творение Карамзина подвергалось как сразу после его публикации, так и в последующие годы, в первую очередь, за излишнюю повествовательность и ненаучность данного труда. Как писал великий русский историк С.М. Соловьев: «Особенности литературной формы «Истории государства Российского» доставили ей широкое распространение. Но те же особенности, которые делали «Историю» превосходной для своего времени популярной книгой, уже тогда лишили ее текст серьезного научного значения» [3. С. 145].

Не будем спорить с мэтром российской истории, однако заметим, что Карамзина до сих пор читают самые широкие слои образованных людей, а к трудам С.М. Соловьева обращается лишь узкий круг специалистов. Может быть, Карамзин немного привнес в критический анализ фактов и событий нашей истории, но он выступил как первый и не утративший до сих пор своей значимости популяризатор отечественной истории, выбрав ту форму художественного изложения, которая только и была доступна тогдашнему российскому обществу. Недаром А.С. Пушкин, много критиковавший

историографа, все же сделал следующее заключение: «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом» [3. С. 118]. Именно поэтому великий русский поэт и назвал всю работу Карамзина над его «Историей» «подвигом честного человека». В этом, вероятно, кроется еще одна отгадка того, почему именно Карамзин стал победителем конкурса «Имя Симбирско-Ульяновского края», так как честность в наши дни — явление редкое, и просто жить честно, не совершая грандиозных поступков, стало до известной степени подвигом в современной России.

Знание родной истории — это то, что делает человека гражданином той страны, в которой он живет. Безусловно, вклад в этом плане Карамзина огромен, между тем, его личная гражданско-политическая позиция подвергалась еще более нелицеприятной критике, нежели его исторические труды.

Особенно жестко судили Карамзина за его «Записку о древней и новой России» в советской историографии, щедро награждая Николая Михайловича эпитетами «махровый консерватор», «реакционер», «выразитель интересов крепостного дворянства» и т.д. На наш взгляд, не очень правомерно осуждать человека, живущего во второй половине XVIII — начале XIX вв. за его монархические взгляды. К тому же Карамзин никогда не идеализировал русскую действительность, прекрасно видя все ее недостатки и критикуя их в самой жесткой форме. Достаточно вспомнить лишь один эпизод из его биографии, ставший историческим анекдотом. Когда по прибытии в Париж соотечественники, давно не бывшие на родине, попросили Карамзина в двух словах описать то, что сейчас происходит в России, он ответил лишь одним словом — воруют! Вот так Николай Михайлович гениально кратко и точно дал характеристику одной из главных российских бед. На наш взгляд, такая четкая гражданская позиция заслуживает не меньше уважения, чем

бесконечные поиски последующих поколений отечественной интеллигенции ответов на извечные «русские вопросы». Недаром Карамзину нашлось место среди 129 скульптурных фигур наиболее значимых личностей в нашей истории, окаймлявших постамент памятника «1000-летия России», установленный в 1862 году в Великом Новгороде.

Огромен вклад Николая Михайловича в развитие русского языка: используя в качестве образца грамматику и синтаксис французского языка, он ввел многие до сих пор употребляемые неологизмы, без которых наша речь была бы намного беднее: «промышленность», «катастрофа», «благотворительность», «влюбленность», «вольномудство», «подозрительность», «утонченность», «первоклассный», «сцена», «гармония», «человечный», «моральный» и т. д., и т. п.

Особо выделим один из них — «достопримечательность», без которого невозможна практика современного культурно-познавательного туризма. И коль скоро мы рассуждаем о личности Карамзина на страницах специализированного журнала, стоит рассмотреть его сквозь призму «духа путешественности». Тем более что творческое наследие Николая Михайловича и в этом плане не утратило свою значимость по сей день.

XVIII век стал эпохой духовного переворота образованной части русского общества. Заграничные вояжи россиян являлись, с одной стороны, проводником этого процесса, неким катализатором продвижения западных идей на российскую почву; с другой стороны, — результатом духовного обновления, когда путешествия, по словам Карамзина, постепенно становятся «потребностью души», когда Европа больше не пугает, а привлекает наших соотечественников [4. С. 25].

Однако зарубежные поездки, связанные со значительными расходами, могли себе позволить лишь несколько сотен представителей русского бомонда, остальные тысячи образованных людей могли только читать о чужих странствиях. В этом плане было очень важно, как построено повествование и какова личность «Вестника Ев-

ропы», доносящего конкретику путевых впечатлений до читателей.

«Письма русского путешественника» Карамзина стали хрестоматией для последующих поколений русских путешественников. Они вольно или невольно следовали тем эстетическим ориентирам в своих туристских практиках, которые талантливо описал автор этого, безусловно, самого лучшего образца жанра путевых заметок своего времени.

Первое, что отличает Николая Михайловича не только от путешественников петровского времени, таких как П.А. Толстой и Б.И. Шереметев, но и вояжеров более позднего периода, — это сильнейшая мотивация к заграничному путешествию. Для того чтобы осуществить мечту на долгое время попасть за границу, Карамзин продал свою часть имения и все 16 тыс. рублей, полученных от этой сделки, потратил на посещение Европы.

Путешествие заняло 18 месяцев — с 18 мая 1789 года по сентябрь 1790 года. Маршрут был довольно традиционен: через Курляндию в Германию с длительными остановками в Кенигсберге, Берлине, Дрездене, Лейпциге, Веймаре. Затем через Франкфурт и Страсбург в Швейцарию, где Карамзин «ходил по горам» и останавливался в Берне, Цюрихе и Женеве. Вслед за этим — Франция с остановкой в Леоне и длительное пребывание в Париже. Завершилось путешествие в Лондоне, откуда путник морем вернулся на родину.

Продолжая сравнение путевых заметок начала XVIII в. и произведения Карамзина, можно наглядно видеть эволюцию мировоззрения и мироощущения русских путешественников. Если для П.А. Толстого и Б.И. Шереметева имена Буало и Лейбница — пустой звук, то автор «Писем» свободно беседует с Кантом и Гердером. Для П.А. Толстого древнегреческие скульптуры — «поганские идолы», для Карамзина — предмет восторга.

Проезжая через Тироль, П.А. Толстой и Б.И. Шереметев испытывают страх, что свидетельствует об атрофии эстетического чувства. Карамзин, ставивший целью «видеть природу

в великолепном разнообразии», в тех же краях испытывает восторг, что указывает на гипертрофию его впечатлений. Вот типичное выражение, иллюстрирующее его чувства: «Уже я наслаждаюсь Швейцарией» [4. С. 13, 125].

Но даже этому восторженному сентименталисту не чужд критический анализ увиденного, придающий его повествованию интеллектуальный блеск. Восторженно он пишет об Англии: «Видеть Англию очень приятно: обычаи народа, успехи просвещения и всех искусств достойны примечания и занимают ум ваш. Но жить здесь для удовольствия общежития есть искать цветов на песчаной равнине — с чем согласны со мною все иностранцы, с которыми удавалось мне познакомиться в Лондоне и говорить об этом. Я и в другой раз приехал бы с удовольствием в Англию, но выеду из нее без сожаления» [4. С. 134].

В этом высказывании было сформулировано важное положение о том, что в противостоянии «Россия — Запад» уже не степень образованности, не незнание языка, а психологическая разнотипность ставит преграды для духовного сближения русского человека с представителями европейских народов. И это еще одно доказательство огромной эволюции в мировоззрении и мироощущении русских людей.

Эволюцию претерпели и цели выездов за границу. При Петре I — это получение прикладных знаний, стремление заслужить похвалу государя и уже потом «видеть страны». Во второй половине столетия они гораздо разнообразнее: княгиня Е. Р. Дашкова — воспитание детей; Н. А. Демидов — лечение супруги и пополнение коллекций; В. И. Зинovieв — «подвизаться в правилах общества» масонов; Карамзин — «чтобы собрать некоторые впечатления и обогатить свое воображение новыми образами» [4. С. 119]. Таким образом, автор «Писем»

провозгласил универсальную и достаточно новую цель заграничных выездов — «путешествие ради путешествия».

Более того, он дал своим вояжем пример «туризма в чистом виде», не увлекшись даже таким грандиозным соблазном, как Великая Французская революция. «Ни якобины, ни аристократы твои не сделали мне никакого зла, — писал путешественник из Парижа в 1790 году, — я слышал споры, и не спорил...» [4. С. 12]. Т. е. Карамзин остался на позиции стороннего наблюдателя-туриста, для которого данное историческое событие всего лишь, выражаясь современной терминологией, «явление событийного туризма», случайно обогатившее его дорожные впечатления, что еще раз подтверждает самооценку путешествия как такового.

«Письма русского путешественника» Карамзина стали не только величественным финальным аккордом века духовного переворота в России, но и послужили увертюрой для сотен русских интеллектуалов в первой половине XIX столетия, — времени, которое во всех без исключения учебниках по истории называется эпохой (кстати, еще один неологизм, введенный в литературный оборот Карамзиным) путешествий.

Возвращаясь к месту рождения и первоначального становления личности нашего замечательного исторического персонажа, хочется напомнить еще одну строфу из его стихотворения «Волга»:

*Теки, Россию украшая,
Шуми, священная река...*

И перефразируя это поэтическое обращение, можно смело утверждать, что, несмотря на неоднозначные оценки и подчас предвзятое мнение потомков, мощная фигура Николая Михайловича Карамзина величественно сияет на небосклоне русской истории, совершенно явно и очевидно «Россию украшая...».

Литература:

1. <http://www.simbirsk.name> (дата обращения: 5.05.2011).
2. <http://karamzin/lit-info.ru> (дата обращения: 5.05.2011).

3. Эйдельман Н. Я. Последний летописец. — М.: Книга, 1983.
4. Из «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина // Сивков К. В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. — СПб., 1914.